

ДНЕВНИКИ

Дневники Толстого составляют очень своеобразную по форме и чрезвычайно важную по содержанию часть его литературного наследия.

Первая запись в дневнике была сделана Толстым 17 марта 1847 г., еще в бытность его студентом Казанского университета; последняя — за четыре дня до кончины — 3 ноября 1910 г. Таким образом, дневники Толстого обнимают огромный период времени в шестьдесят четыре года, начинаясь в крепостную эпоху и заканчиваясь за семь лет до Октябрьской революции.

1

Впервые выдержки из дневников и записных книжек Толстого появились в первом и втором томах «Биографии Льва Николаевича Толстого», составленной П. И. Бирюковым, вышедших в 1906 и 1908 гг. (М., изд. «Посредник»).

В 1916 г. в Москве вышел том «Дневников Льва Николаевича Толстого», под редакцией Черткова, содержащий дневники за 1895—1899 гг. Текст дневников был напечатан по копии, полученной от Н. Л. Оболенского, причем в текстах Толстого были произведены многочисленные цензурные купюры. Были исключены также некоторые суждения Толстого о лицах, еще здравствовавших в то время. В 1917 г. в Москве был выпущен том «Дневников молодости Льва Николаевича Толстого», под редакцией Черткова, содержащий дневники за 1847—1852 гг. Текст дневников был опубликован по копии, полученной от С. А. Толстой. В 1917 г. под редакцией Черткова был приготовлен к печати том дневников Толстого за 1900—1903 гг. по копии, полученной от Н. Л. Оболенского. Книга была набрана в типографии И. Д. Сытина, но вследствие революционных событий 1917—1918 гг. в свет не вышла. В 1923 г. появился немецкий перевод этого тома дневников под названием: «Leo Tolstoj. Tagebuch. Zweiter Band. 1900—1903. Autorisierte vollständige Ausgabe von Ludwig Berndt». Verlegt bei Eugen Diederichs, Jena.

Выборки из дневника Толстого с 22 января 1902 г. по 30 ноября 1903 г. были напечатаны в журнале «Летопись», 1916, № 12, откуда были перепечатаны некоторыми другими журналами.

Большое количество афоризмов, взятых из дневников Толстого разных лет (без указания дат), появилось в сборнике «Спелые колосья» (вып. 1—4, изд. М. Элпидина. Женева, 1894—1896).

Отдельные выписки из дневников Толстого разных лет были напечатаны в работах: В. Г. Чертков. Уход Толстого. М., 1922; П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, тт. III и IV. М., 1923; Н. Н. Гусев. Толстой в молодости. М., 1926; его же. Толстой в расцвете художественного гения. М., 1927; В. А. Жданов. Любовь в жизни Льва Толстого, вып. 1—2. М., 1928; М. В. Муратов. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М., 1934, а также в комментариях ко многим томам Юбилейного издания.

В Юбилейном издании дневники Толстого занимают тринадцать томов (с 46 по 58).

Отношение Толстого к дневникам молодых лет (до женитьбы) менялось на протяжении его долгой жизни.

В конце апреля 1859 г. Толстой, вспоминая кавказский период своей жизни, писал А. А. Толстой: «Я был одинок и несчастлив, живя на Кавказе. Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записки того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог

понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда. Это было и мучительное, и хорошее время. Никогда ни прежде, ни после я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал *туда* как в это время, продолжавшееся два года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением» (т. 60, с. 293).

Впоследствии Толстой проводил резкую черту между дневниками своей молодости (до женитьбы) и дневниками последующих лет. 27 марта 1895 г. он записывает в дневнике ряд завещательных распоряжений о том, как поступить с его бумагами в случае его смерти и, между прочим, пишет: «Дневники моей прежней холостой жизни, выбрав из них то, что стоит того, я прошу уничтожить <...> Дневники моей холостой жизни я прошу уничтожить не потому, что я хотел бы скрыть от людей свою дурную жизнь: жизнь моя была обычная дрянная, с мирской точки зрения, жизнь беспринципных молодых людей, — но потому, что эти дневники, в которых я записывал только то, что мучило меня сознанием греха, производят ложно одностороннее впечатление и представляют....» Толстой не дописывает фразы, ставит пять точек и далее продолжает: «А впрочем, пускай остаются мои дневники, как они есть. Из них видно по крайней мере то, что, несмотря на всю пошлость и дрянность моей молодости, я все-таки не был оставлен богом» (т. 53, с. 15).

В 1903 г. П. И. Бирюков начал писать биографию Толстого и просил предоставить ему доступ к дневникам молодых лет. Толстой, очень любивший Бирюкова и вполне ему доверявший, согласился на его просьбу. Он захотел сам перечитать дневники своей холостой жизни, а переписку их поручил своему сыну, Михаилу Львовичу. 4 июня 1903 г. Толстой записывает в дневнике: «Вчера дал Мише переписать мои дневники для Поши <П. И. Бирюкова>. Там много для меня интересного» (т. 54, с. 177). А самому Бирюкову Толстой писал 27 ноября того же года: «Дневники мои я не даю кому попало переписывать, потому что они слишком ужасны по своей мерзости. Но зато *особенно интересны*, и я сообщу их вам. Среди бездны грязи там есть признаки стремления на чистый воздух. Я непременно сообщу их вам» (т. 74, с. 239. — Курсив мой. — Н. Г.).

Нечего и говорить о преувеличении Толстого в этих строках, характеризующих дневники его молодых лет как содержащих «бездну грязи» (хотя и с попытками выйти «на чистый воздух»). Дневники молодых лет Толстого напечатаны в Юбилейном издании с пропуском очень небольшого количества мест, да и те доступны исследователям жизни и творчества Толстого.

2.

Переходим к обзору по томам всей серии дневников Юбилейного издания.

Том 46 Юбилейного издания, открывающий серию дневников, включает дневники и автобиографические записи Толстого с 17 марта 1847 г. по 18 февраля 1854 г. Дневник был начат в клинике Казанского университета, где Толстой находился на лечении. Имея много свободного времени, Толстой в клинике не только почти ежедневно писал дневник, но и включил в него свой разбор «Наказа комиссии по составлению нового уголовного» Екатерины II. Разбор этот, о котором Толстой впоследствии вспоминал с чувством удовлетворения, поражает смелостью мысли молодого студента, решительно отрицающего монархический образ правления.

По выходе из клиники Толстой некоторое время продолжает дневник, ведет его также в течение трех дней в июне 1847 г. в Ясной Поляне и возобновляет только через три года 14 июня 1850 г. Но и на этот раз писание дневника прекращается через шесть дней, и только с 8 декабря 1850 г. по

1 апреля в Москве и с 2 по 19 апреля 1851 г. в Ясной Поляне дневник ведется регулярно. Содержание московского дневника сначала сводится к записям о встречах с знакомыми, но с марта 1851 г. в дневнике появляется также отчет самому себе за каждый прожитый день «с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться», и записи о литературных занятиях.

С переездом на Кавказ 30 мая 1851 г. дневник Толстого получает иной характер. Писание дневника становится для него необходимостью; он заносит в дневник все свои самые задушевные, самые дорогие для него мысли и чувства, все свои продолжительные размышления о самых важных вопросах человеческой жизни.

Редактор т. 46 А. С. Петровский приложил все усилия в тому, чтобы воспроизвести со всей возможной точностью тексты первых дневников Толстого, написанных неразборчивым, трудным почерком, иногда карандашом; в некоторых местах чернила от времени выцвели. Редактор выправляет ошибки «Дневника молодости Л. Н. Толстого», изданного Чертковым в 1917 г. по копии, полученной от С. А. Толстой. Одна из ошибок, попавших в это издание и исправленных А. С. Петровским, носит комический характер. Запись Толстого от 25 августа 1852 г. напечатана в «Дневнике молодости Л. Н. Толстого» в таком виде: «Надо работать умственно. Я знаю, что *бабы* счастливее, не зная этой работы» (стр. 151) *. В т. 46 та же запись напечатана в правильном чтении: «Надо работать умственно. Я знаю, что *б<ыл>* бы счастливее» и т. д. (с. 140).

Но и у самого А. С. Петровского попадают иногда (правда, в очень редких случаях) неверные прочтения толстовских текстов. Так, в т. 46 запись Толстого от 7 апреля 1847 г. воспроизведена следующим образом: «...отыграть потерянное Лиле в шахматы» (с. 29). В комментариях редактор к этой записи делает примечание: «Личность этой партнерши Толстого не удалось установить. Может быть, это Елизавета Модестовна Модестова, сестра Зинаиды Модестовны» (с. 321). Но запись Толстого была прочтена А. С. Петровским неправильно: Толстой решил «отыграть потерянное» в шахматы не «Лиле», а «Ламе». С бурятским ламой Толстой встретился в клинике Казанского университета, о чем он много лет спустя рассказывал П. И. Бирюкову. Лама был ранен нападшими на него на улице грабителями. «Когда Толстой стал его расспрашивать, он, к своему удивлению, узнал, что лама как буддист не защищался против разбойников, но, произнося молитвы и закрыв глаза, ожидал смерти. Этот случай произвел сильное впечатление на юную душу Толстого и вызвал в нем уважение к восточной мудрости» («Tolstoi und der Orient» von Paul Birükoff. Zürich und Leipzig, Rothapfel-Verlag, s. a., S. 10—11).

В т. 46 дневниковая запись Толстого от 18 января 1851 г. опубликована в таком виде: «Писать историю м<оего> д<етства>» (с. 45). Такого же чтения этой записи еще до выхода в свет т. 46 (он появился в 1934 г.) придерживались М. А. Цявловский, В. И. Срезневский, Н. Н. Гусев. Но такая расшифровка записи Толстого никак не может быть принята, так как известно, что под названием «История моего детства» была напечатана в «Современнике» первая повесть Толстого, им самим озаглавленная «Детство», и Толстой в письме на имя редактора «Современника» решительно протестовал против такого изменения заглавия его повести, восклицая: «Кому какое дело до истории *моего* детства?» (т. 59, с. 211).

Но так ли бесспорно установившееся среди толстоведов чтение данной дневниковой записи Толстого: «писать историю м. д.»? Против того, что Толстым были написаны буквы «м» и «д» как начальные буквы каких-то слов, говорит то, что между этими двумя буквами в автографе не

* Во всех примерах неверных чтений текста Толстого курсив мой.— Н. Г.

поставлены точки, указывающие на сокращения слов, между тем как Толстой при сокращениях всегда ставил точку вместо недописанной части слова. Более вероятным является такое чтение записи Толстого, при котором после слова «историю» им были написаны не первые буквы двух отдельных слов, а целиком одно слово в три буквы. Слово это — «дня». Буквы «н» и размашисто написанное «я» ясно выступают в данной записи, а первая буква «д» написана сухим пером, и виден только овал этой буквы, а верхний штрих остался необозначенным. Итак, получается — «писать историю дня». Что может означать эта запись? «Детство» как в первой, так и окончательной его редакции начинается с описания одного дня из жизни мальчика, причем в обеих редакциях описание это датировано: в первой редакции — 12 августа 1833 г. (т. 1, с. 108), в окончательной — 12 августа 18... г. И в дневниковых записях, и в черновых рукописях «Детства» Толстой не один раз упоминает о «первом дне» и «втором дне» как определенных частях повести (запись 2 апреля 1852 г.: «Второй день очень плох»; 6 апреля: «Дописал первый день»; 7 апреля: «Завтра примусь за второй день» и т. д.).

Таким образом дневниковую запись Толстого от 18 января 1851 г., прочитанную как «писать историю дня», следует считать первым упоминанием Толстого о замысле «Детства». Запись эта не может относиться к «Истории вчерашнего дня», так как о замысле этого очерка говорит запись Толстого от 24 марта 1851 г.: «Написать нынешний день со всеми впечатлениями и мыслями, которые он породит» (с. 55). Работа над очерком была начата 26 марта и продолжалась до 1 апреля (с. 56—57).

В записи от 4 сентября 1851 г. читаем: «... я остаюсь все тем же, в несколько дней я успел переделать все то, чего не оправдываю» (с. 87). Далее следует перечисление всех тех поступков, которые Толстой «успел переделать» в течение нескольких дней и которые он «не оправдывает». Редактор для чего-то перед глаголом «успел» вставил в редакторских скобках отрицание «не», вследствие чего вся фраза получила странный и враждебный Толстому смысл. Оказывается, Толстой упрекал себя не за то, что он наделал разных дел, которые он считал дурными, а за то, что он «не успел» сделать всех тех дурных дел, которые он перечисляет. Трудно нам представить себе хотя бы и молодого Толстого, кающегося подобным образом!..

Комментарии к молодым дневникам Толстого представляют большие трудности как по отдаленности эпохи, так и по большому количеству упоминаемых в них неизвестных лиц. С трудностями этими редактор справился вполне успешно. Можно сделать лишь несколько замечаний относительно отсутствия комментариев в одних случаях и не совсем точных комментариев — в других.

Под 28 февраля 1851 г. находим такую запись: «Мучило меня долго то, что нет у меня ни одной задушевной мысли или чувства, которое бы обусловливало все направление жизни — все *так*, как придется» (т. 46, с. 45—46). Следовало бы указать, что эта запись по смыслу очень близка к следующему месту из зачеркнутого предисловия к первой редакции «Детства», написанного в форме письма к другу: «Интересно было мне просмотреть свое развитие, главное же хотелось мне найти в отпечатке своей жизни одно какое-нибудь начало — стремление, которое бы руководило меня, и вообразите, ничего не нашел ровно» (т. 1, с. 103).

Близость этих двух цитат указывает на то, что первая редакция «Детства» была начата вскоре после 28 февраля 1851 г.

12 марта 1851 г. в дневнике в числе занятий на следующий день указано: «писать». Это же задание повторено 13, 14, 15, 17, 19, 20 («перечитывать свое писание и писать»), 21, 22, 23 марта. 21 марта в дневнике записано: «Утром <...> писал мало, был не в духе и боялся поправить» (т. 46, с. 50—

53). Все эти записи оставлены редактором без всяких комментариев. А записи эти важны, несомненно, в них Толстой отмечал свою работу над первой редакцией «Детства».

8 июня 1851 г., вспоминая неделю, проведенную им в Казани перед отъездом на Кавказ, и свое увлечение З. М. Молоствовой, Толстой заканчивает запись словами: «С милым рай и в шалаше, и это правда, правда, сто раз правда» (т. 46, с. 80). «С милым рай и в шалаше», — это строка из «Русской песни» казанского поэта Н. М. Ибрагимова, начальные стихи которой таковы: «Вечерком красна девица/ На прудок за стадом шла...» Далее эта девица обращается ко всем богачам с такими словами:

Не ищи меня, богатый,
Ты не мил моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше.

Эта песня появилась впервые в «Трудах Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете» в 1815 г. и с тех пор перепечатывалась неоднократно (в том числе в составленном И. Н. Розановым сборнике «Русские песни XIX века». М., 1944). Песня пользовалась большой популярностью в провинции до конца прошлого века. Конечно, и Толстой слышал ее в Казани перед отъездом на Кавказ, и, оказывается, воспринимал ее не как лирическое стихотворение сентиментального направления, а как реальное изображение действительности. Все это надо бы отметить в комментариях.

25 августа 1851 г. Толстой записывает в дневнике о своем намерении на другой день ехать в один из аулов, чтобы там охотиться и «возиться с татарами». Надо бы указать, что татар не было в станице Старогладковской, где жил Толстой, и в ее окрестностях, но местное население называло татарами всех мусульман, в том числе и чеченцев, населявших аулы. В рассказе «Набег» чеченцы неоднократно называются татарами («татары рассказались в разные стороны», «разъезжали татары», «три татарских тела» и т. д.).

7 марта 1851 г. Толстой записывает занятия на следующий день: «Гимнастика, обед, роман, гости и дневник» (с. 48). К слову «роман» редактор делает пояснение: «Роман — вероятно „История моего детства“» (с. 337). Это объяснение неправдоподобно (не говоря уже о том, что название «История моего детства» не принадлежало Толстому и, как сказано выше, вызвало его резкий протест). Вряд ли тогда была уже начата первая редакция «Детства», которую Толстой к тому же и не мог назвать романом. Время для писания «романа» между обедом и гостями — самое неподходящее. По-видимому, запись говорит не о писании, а о чтении романа. Роман, который Толстой намечал прочесть, это, вероятно, «Семейство Холмских» Д. Н. Бегичева, оказавшее на Толстого, по его словам, некоторое «влияние» (см. письмо Толстого к М. М. Ледерле от 25 октября 1891 г., черновая редакция — т. 66, с. 70). В пользу такого предположения говорит и то, что в тот же день 7 марта Толстой был у своего приятеля Н. С. Бегичева, племянника писателя, от которого и мог получить книгу его дяди; и то, что на другой день после данной записи, 8 марта, Толстой заносит в дневник задание: «Составить журнал для слабостей (Франклиновский)», — а в «Семействе Холмских» несколько страниц посвящены рассуждениям о пользе «Франклиновского журнала», о котором Толстой, очевидно, и узнал впервые из этого романа.

По поводу упоминания в дневнике Толстого о В. А. Соллогубе редактор сообщает: «В группе писателей, снятой в 50-х годах вместе с Толстым, находится среди других и гр. В. А. Соллогуб» (с. 331). В действительности такой группы, где бы Толстой был снят вместе с Соллогубом,

не существует. В 1856 г., по инициативе Толстого, снялись группой писатели, близкие к «Современнику»: Гончаров, Тургенев, Дружинин, Островский, Григорович и Толстой; Соллогуба в этой группе нет.

Комментируя запись Толстого от 16 апреля 1852 г.: «читал <...> предание о Петре Великом», редактор пишет: «Книги или статьи с таким названием не существует» (с. 385). Но редактор не там, где нужно, разыскивал «книгу с таким названием»: ее нужно было искать среди лубочных изданий. В 1849 г. в Москве была издана лубочная книжка «Предание о том, как солдат спас Петра Великого от смерти», позднее перепечатывавшаяся неоднократно.

3

Следующий том Юбилейного издания, 47, содержит дневники Толстого с 14 марта 1854 г. по 31 декабря 1857 г. За эти четыре года в жизни Толстого произошли большие перемены: служба в Дунайской армии и затем в Севастополе, проезд в Петербург и знакомство с писателями, жизнь в Москве и в Ясной Поляне, первое заграничное путешествие. С 1855 г. Толстой начинает вести записные книжки, и начиная с т. 47 в каждом томе дневников Толстого печатаются также и его записные книжки.

Число лиц, упоминаемых в данном томе, огромно, и редакторам тома — В. И. Срезневскому, М. А. Цявловскому и В. Ф. Саводнику — пришлось употреблять много усилий для того, чтобы хотя кратким образом прокомментировать каждое лицо. И их усилия увенчались успехом: число невыясненных лиц в данном томе очень невелико.

Невелико и количество редакторских погрешностей в этом томе. Начну с указаний неправильных чтений отдельных мест толстовского текста.

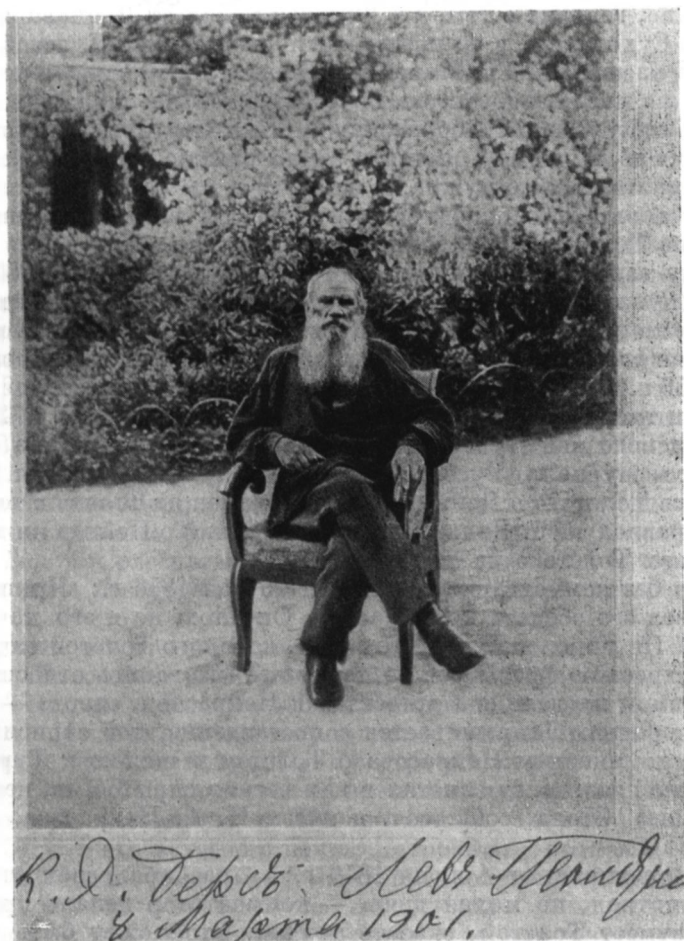
В записи от 15 июня 1854 г., сделанной Толстым в Дунайской армии, читаем: «...положение мое в кругу товарищей и *начальство* хорошо» (с. 4). Должно быть: «в кругу товарищей и *начальства*».

Запись Толстого от 23 ноября 1854 г. начинается словами: «16 я выехал из Севастополя на позицию» (с. 31). В автографе: «15 я выехал» и т. д. Суждение Толстого о положении русского войска, изложенное в записи того же числа, напечатано в таком виде: «У нас бессмысленные ученья о носках и хватках, бесполезное оружие, забитость, старость, необразование, дурное содержание и пища убивают *вним<ание>*, последнюю искру гордости и даже дают *им* слишком высокое понятие о враге» (с. 31). Подчеркнутые слова вносят бессмыслицу в совершенно ясное и значительное по своему содержанию суждение Толстого. Бессмыслица произошла от неверного прочтения автографа: вместо «внимание» нужно читать: «в нем» (т. е. в русском солдате), вместо «им» — «ему».

В записи от 9—10 января 1856 г., сделанной в Орле, куда Толстой ездил навестить умирающего брата Дмитрия, сказано, что за братом ухаживали «Маша и Т. Л.» (с. 65), причем в комментариях (с. 301) редактор оговаривается: «Кто скрыт под инициалами Т. Л., сказать не можем». Эта оговорка станет излишней, если правильно прочесть поставленные Толстым инициалы — не «Т. Л.», а «Т. А.»; станет ясно, что здесь идет речь о «тетеньке» Толстого Т. А. Ергольской.

В записи Толстого от 11 ноября 1856 г. отмечено: «Прочел рецензию на О. в А. и М.» (с. 99). Относительно этой записи редактор в комментариях (с. 373) сообщает: «Расшифровать эту запись не можем». Запись легко расшифровывается, если ее прочесть правильно: «...рецензию на С. в А. и М.», что будет означать: «рецензию на Севастополь в августе и Метель». Толстой имел в виду анонимную статью об этих его рассказах, напечатанную в № 11 «Отечественных записок» 1856 г. и написанную, вероятно, С. С. Дудышкиным.

Запись Толстого в записной книжке, сделанная в начале января 1857 г., воспроизведена таким образом: «К П<овести?> Ю<ность>. Он не знает почему, но жизнь в условиях невозможна. Ему необходимо вдохновение. Его благодетель добрый поэтический эгоист» (с. 201). Из содержания записи совершенно ясно, что она относится не к «Юности», а к рассказу «Альберт». Написанные Толстым начальные буквы двух слов должны

ТОЛСТОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Фотография 1900 г. с дарственной надписью:
«К. А. Берс. Лев Толстой. 8 марта 1901»

Литературный музей, Москва

быть прочитаны по другому: «К Г. Ю.», что означает: «К Гениальному Юродивому». «Гениальным юродивым» Толстой назвал скрипача Кизеветтера, послужившего прототипом Альберта, в дневниковой записи от 8 января 1857 г. (с. 110).

«Вечер <...> ездил кататься», — записал Толстой 31 мая 1855 г. (с. 44). Редактор исправляет «вечер» на «вечером», ставя недостающие, по его мнению, буквы в редакторские скобки. Но «вечер» вместо «вечером» — это не описка Толстого, а свойственный ему оборот, который встречается и в других местах его дневников, в том числе в т. 51: «Вечер скучно было» (с. 16); «Вечер ездил верхом» (с. 31).

Н. Н. Страхов в одном из писем к С. А. Толстой писал, что слог Льва Николаевича так своеобразен, что, подготавливая к печати его сочинения, иногда бывает трудно решить, где поставить запятую. Это мнение Страхова припоминается, когда читаешь запись от 22 мая 1856 г. Здесь Толстой пишет, как от Аксаковых он вернулся к своему другу Д. А. Дьякову, «танцевал немного и выехал оттуда с Александром Сухотиным, страстно влюбленным человеком» (с. 74). Запятая, поставленная после упоминания об А. Сухотине, говорит о том, что Толстой уехал от Дьякова с «страстно влюбленным» Сухотиным, в то время как в этой записи Толстой «страстно влюбленным» называл не Сухотина, а себя самого. Это ясно из первых слов записи того же числа, где сказано, что Толстой не ожидал встретить у Дьякова его сестру А. А. Оболенскую, — «поэтому чувство, которое она возбудила во мне, — писал Толстой, — было ужасно сильно». Запятая после слова «Сухотиным» не нужна.

Отмечу теперь более существенные недочеты в комментариях к тексту дневников Толстого, опубликованных в т. 47.

По поводу записи в дневнике Толстого от 19 февраля 1856 г.: «Моя барыш<ня> <нужно прочесть; барыня. — Н. Г.> Пейкер даровита чрезвычайно» (с. 67) комментатор замечает: «Кто такая Пейкер, сказать не можем» (с. 307). Та же оговорка («сказать не можем») повторена по поводу записи от 13 мая 1856 г. (с. 71 и 318—319): «Зашел к М. Г.». Обе записи относятся к одному и тому же лицу: это Мария Григорьевна Пейкер (1827—1881), жена вологодского вице-губернатора, с 1875 г. издательница «духовно-нравственного» журнала «Русский рабочий» в духе вероучения Пашкова. Первая запись Толстого о Пейкер содержит намек на то, что в то время он был к ней равнодушен. Дальнейших упоминаний о Пейкер ни в письмах, ни в дневниках Толстого не встречается.

Оставлена без комментариев запись от 15 мая 1856 г.: «Пришел Королев <...> Повел его обедать к Некрасову. Он плох, но я его начинаю любить» (с. 72). Не пояснено, кто этот «он», которого Толстой начинает любить. По построению фразы можно подумать, что запись относится к Королеву; на самом же деле она относится к Некрасову, «плох» — в смысле состояния здоровья. Напрашивается сопоставление этой записи Толстого с теплым воспоминанием Некрасова о Толстом в письме к Тургеневу от 24 мая того же года: «...я заметил в нем весьма скрытое, но несомненное участие ко мне» (Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова, т. X. М., 1952, стр. 275).

К записи дневника от 4 июня 1856 г.: «...разбирал свои старые тетради, — непонятная, но милая дичь», — комментатор делает примечание: «Что тут разумеет Толстой, сказать трудно. Это может быть Дневник 1840-х годов или другие, не дошедшие до нас писания того времени» (с. 342). Естественнее всего предположить, что это были философские опыты, писавшиеся Толстым в Казани и опубликованные в т. 1 Юбилейного издания.

Фамилия женщины, бросившейся в 1872 г. под поезд на станции Ясенки, смерть которой навела Толстого на мысль о трагической развязке романа «Анна Каренина», не Зыкова, как сообщает комментатор (с. 364), а Пирогова (см. статью Н. П. Пузина «Кочаковский некрополь» в «Яснополянской сборнике 1955-го года». Тула, стр. 289).

Повесть Тургенева «Фауст», вопреки утверждению комментатора (с. 365), не посвящена ни сестре Толстого Марии Николаевне, ни какому-либо другому лицу.

Точно так же неверно сообщение комментатора (с. 381), будто бы Толстой и Полонский «не состояли в переписке». Переписка между ними существовала. Она сохранилась и напечатана (см. «Летописи Гос. Литературного музея», кн. 12. М., 1948, стр. 210—223).

В примечании о Каткове комментатор говорит, что «отойдя в 1858 г. от „Современника“, Толстой сблизился с Катковым», а далее сообщает, что «Толстой общался с ним, с Катковым, почти исключительно на деловой почве» (с. 382). Так зачем же говорить о «сближении», которого не было? 14 ноября 1865 г. Толстой писал А. А. Толстой о своих отношениях с Катковым: «Между мной и им столько же общего, сколько между вами и вашим водовозом» (т. 61, с. 115). Позднее, 22—23 марта 1877 г., по поводу жалоб Фета на редакцию «Русского вестника» Толстой писал ему: «Такой тупой и мертвой редакции нет другой» (т. 62, с. 315).

Касаясь записи Толстого от 27 декабря 1856 г.: «Утро Трузсон, Безобразов, Салтыков <...> вечер у Безобразова, хорошенькая Салтыкова», — комментатор предполагает, что в этой записи говорится о действительном статском советнике С. С. Салтыкове (с. 393). Однако на основании того, что в записи упоминается экономист В. П. Безобразов, близкий друг и лицейский товарищ М. Е. Салтыкова-Щедрина, живший в Петербурге в одном с ним доме, а также на основании упоминания о «хорошенькой Салтыковой», — более вероятно предположить, что в записи идет речь о знаменитом сатирике, а не о действительном статском советнике (см. об этом статью И. Т. Трофимова «К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина». — «Ученые записки Московского Гор. пед. института имени В. П. Потемкина», т. ХСIV, 1959, стр. 323—330). Вторичное упоминание о Салтыкове в записи 25 октября 1857 г.: «Вечер у Салтыкова» — вызывает у комментатора то же ничем не подкрепленное предположение, что речь идет о С. С. Салтыкове, а не о М. Е. Салтыкове-Щедрине (с. 507). Но на этот раз предположение это уничтожается письмом Толстого к В. П. Боткину от 1 ноября 1857 г., в котором Толстой рассказывает, что недавно виделся с автором «Губернских очерков» и беседовал с ним о художественной литературе (т. 60, с. 234).

Рассказывая о встречах Толстого с Григоровичем, М. А. Цявловский приводит из «Воспоминаний» Григоровича его рассказ о том, что он познакомился с Толстым в Москве, когда Толстой еще носил военную форму (т. 47, с. 409). Но это, по-видимому, ошибка памяти Григоровича, так как о знакомстве с ним Толстой сообщал сестре в письме от 14 апреля 1856 г. из Петербурга: «С Григоровичем я познакомился здесь» (т. 61, с. 372).

Комментируя сделанную в Женеве запись Толстого от 29 апреля (11 мая) 1857 г. о его встрече с неким Петровым, с которым он беседовал о вере, М. А. Цявловский высказывает предположение, что это был профессор Московского университета по кафедре санскритского языка П. Я. Петров (с. 453). В действительности в записи упоминается настоятель русской церкви в Женеве А. Петров, с которым Толстой позднее вел переписку по вопросу о подыскании гувернантки к его племянникам.

Запись Толстого от 24 ноября 1857 г.: «дописал сон недурно» (с. 164) — комментатор (с. 514) относит к небольшому написанному Толстым стихотворению в прозе «Сон». Но такое понимание неверно. «Сон» был написан позднее; о нем говорит запись от 31 декабря 1857 г.: «Писал Николенкин сон» (с. 166). Здесь же говорится об описании сна Альберта в последней главе повести под этим заглавием.

Так как в то время, когда М. А. Цявловский писал комментарии к данному тому, письма Толстого и к Толстому еще не были достаточно разобраны и изучены, то в комментариях в ряде случаев названы несохранившиеся письма, в действительности сохранившиеся в архиве Толстого и впоследствии опубликованные, в том числе две записки В. В. Арсеньевой к Толстому, письмо Некрасова к Толстому от 3 сентября 1856 г., три письма Толстого к В. В. Арсеньевой от 11, 20 и 27 ноября 1856 г., письмо

его к Т. А. Ергольской от 17 (29) мая 1857 г. и телеграмма Некрасову от 30 ноября 1857 г. (с. 360, 361, 373, 376, 380, 461, 517). Из всех этих материалов неопубликованными остаются только записки В. В. Арсеньевой.

Обращает на себя внимание в комментариях т. 47 так же, как в тт. 59 и 60, подготовленных к печати тем же редактором, иногда излишество сведений о лицах, не упоминаемых в дневнике Толстого, но являющихся родственниками упоминаемых лиц. Так, к короткой записи Толстого от 25 января 1857 г. («Бал у Нарышкиных») делается примечание не только о том, кто такие были Нарышкины — муж с женой, которые давали бал (это нужно), но и о том, какие у них были сыновья, на ком эти сыновья были женаты, как звали дочь Нарышкиных, кто и с какого года был ее первым мужем и кто вторым, с приведением хронологических дат о всех этих лицах (с. 406—407). Запись Толстого от 7 августа 1857 г. о встрече с Фонвизиним комментируется не только предположением о том, кто был этот Фонвизин, но еще и сведениями относительно того, на ком он был женат и с какого года; указан также и год рождения его жены (с. 491). Все эти сведения совершенно не нужны читателю.

4

Том 48 заключает в себе дневники и записные книжки Толстого с 1858 по 1880 г. То, что данный том включает дневники и записные книжки писателя за столь продолжительный период его жизни и творчества (двадцать три года), объясняется тем, что составляющие этот том дневниковые записи Толстого очень кратки и немногочисленны и, кроме того, Толстой совсем не вел дневника с 13 ноября 1865 г. по 4 ноября 1873 г. и затем с 29 декабря 1873 г. по 16 апреля 1878 г. Почти около ста страниц тома занято записями услышанных Толстым народных слов и выражений. Редактор тома А. С. Петровский в примечаниях к этим словам, выражениям и поговоркам указывает, какие из них Толстой ввел в свою драму «Власть тьмы», подтверждая тем слова Толстого, сказанные им парижскому профессору Полю Буайе: «Я ограбил свои записные книжки, чтобы написать „Власть тьмы“» (Paul B о u e r. Chez Tolstoi. Paris, 1950, стр. 43). Следовало бы указать также и то, что одно замечание какого-то рабочего или крестьянина, слышанное Толстым: «Работаем — никто не видит, а выпьем — всякий видит» (с. 230), Толстой использовал в «Воскресении» в разговоре Нехлюдова с рабочим в вагоне.

В публикации текстов дневников Толстого, входящих в данный том, встречаются некоторые погрешности.

16 января 1858 г. Толстой, гостивший у своей двоюродной тетки В. А. Волконской в ее имении Соголево и слушавший ее рассказы про старину, записывает в дневнике: «Вчера целый вечер рассказывала про бабушку и мать». В печатном тексте слова «бабушку и» пропущены (с. 4).

В записи от 9 мая 1858 г. напечатано: «Ждем напрасно» вместо «Ждал напрасно» (с. 15).

В записи от 16 (28) октября 1860 г. напечатано данное Толстым себе задание в следующем странном виде: «Дописать первую главу с обеда» вместо «до обеда» (с. 30).

В записи от 9 (21) апреля того же года характеристика немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха, которого Толстой посетил в Берлине, дана в словах: «Не поет отрицания» в то время, как должно быть: «Не поэт отрицания» (с. 35).

В записи от 31 августа 1862 г., где Толстой говорит о начатых им педагогических статьях, напечатано: «Крепко идет 3-ья и последняя»; должно быть не «идет», а «сидит» (с. 42).

В записи от 30 декабря 1862 г. читаем: «Боязнь <?> Тани — чувственность»; должно быть: «Лаборд Таня — чувственность» (с. 42). Здесь упоминается фамилия артистки итальянской оперы в Москве Розалии Лаборд; в семье Берсов прозвали младшую дочь Таню «мадам Лаборд» за ее прекрасный голос и любовь к пению.

В записи от 5 августа 1863 г. напечатано: «Не могу писать дальше о настоящем мучительном» (с. 56). Так и в автографе. Но Толстой тут же и начинает писать «о настоящем мучительном», так что в приведенной фразе должно быть не «не могу писать», а «не могу <не> писать».

В записи Толстого вместо: «Я не дам ей читать свой дневник» напечатано ошибочно: «Я не дал ей читать свой дневник» (с. 57).

Запись от 23 марта 1865 г.: «Мы говорим, что поняли жизнь животных» также напечатана ошибочно: «Мы говорили, что поняли жизнь животных» (с. 61).

В записи, сделанной на отдельном листе, напечатано: «Ночи тайные звездные», в то время как должно быть не «тайные», а «темные» (с. 346).

В записи, сделанной также на отдельном листке (строка 15), вместо «род сумасшествия» напечатано «ради сумасшествия» (с. 347).

В записи от 15 сентября 1862 г. редактором издательства по своему усмотрению без всякого указания на пропуск выпущено одно слово. Вспоминая вчерашний день, Толстой записывает, что он был у брата Сергея Николаевича, потом пошел к «стервам Тютчевым». Слово «стервам» выпущено (с. 45). Имел ли редактор основания выпускать это слово? Думаю, что не имел. Правда, Толстой сам в завещательном распоряжении, записанном в дневнике 27 марта 1895 г., просил, чтобы при опубликовании его дневников было выпущено «все то, обнаружение чего могло бы быть неприятно кому-нибудь», и поручил Черткову произвести уничтожение этих мест (т. 53, с. 15). Но в молодых дневниках Толстого, писавшихся им для себя, без всякой мысли о том, что они когда-нибудь будут напечатаны, содержится много резких суждений о разных лицах, и все эти суждения опубликованы в выпущенных томах его дневников, в том числе и в разбираемом томе. Так, 7 мая 1858 г. Толстой записывает: «Мортые свинья, сделал историю с письмами» (с. 3). Далее 8 мая того же года: «Киреева <...> необыкновенная и странная дура» (с. 15); 31 августа: «Два дурака — Плещеев и Якушкин — помешали» (с. 42) и пр.

Но замечание Толстого о дочерях Тютчева Екатерине Федоровне и Анне Федоровне, очевидно, показалось редактору издательства слишком резким и несправедливым, что, однако, не давало ему права его выпустить. Тем более, что редактор не дал себе труда попытаться выяснить по предыдущим записям дневника, какой же смысл имело это замечание, вырвавшееся из-под пера Толстого, что очень нетрудно было сделать.

28 августа 1862 г., в день своего рождения, Толстой записывает в дневнике: «Приятный вечер у Тютчевых» (с. 41). Но уже через три дня — 31 августа — читаем в дневнике иную запись: «К Тютчевым. Закоружлые синие чулки. Как мне на них гадко». И через несколько строк тут же: «Кохановская стерва, и все стервы, засохли в кринолине».

Толстой в то время переживал период самого сильного увлечения своей будущей женой, С. А. Берс. Запись от 31 августа начинается словами: «И утром то же сладкое чувство и полнота любовной жизни». И Толстому в то время были «гадки» не только девушки Тютчевы, но и все те «засохшие в кринолинах» женщины, которые, как ему казалось, были неспособны переживать «сладкое чувство и полноту любовной жизни». Таким образом,

резкое слово по отношению к Тютчевым, сорвавшееся у него с языка, получает совершенно невинный и, пожалуй, даже несколько наивный характер, вполне объяснимый тем возбужденным душевным состоянием, в котором находился тогда Толстой, через два дня после этого сделавший С. А. Берс письменное предложение.

Редактору совсем не следовало выпускать это слово, как не выпустил он то же слово, сказанное Толстым по адресу Кохановской (псевдоним писательницы-славянофилки Н. С. Соханской), а следовало напечатать и пояснить его смысл.

Комментарии к данному тому, как и к предыдущим томам дневников Толстого, представлявшие большие трудности, в общем следует признать весьма точными и обстоятельными, и можно указать в них лишь на небольшое количество фактических ошибок и неточностей.

11 апреля 1858 г. Толстой записывает: «Писал с увлечением письмо офицера о тревоге» (с. 12). Редактор данного тома, следуя за редактором т. 5 Н. М. Мендельсоном, в комментарии к этой записи поясняет, что в ней идет речь о небольшом очерке «Тревога», набросанном Толстым еще в Севастополе в 1854 г. (с. 430). Это неверно. В очерке «Тревога» нет никакого письма офицера. В записи Толстого говорится об одной из черновых редакций повести «Казачи», в которую действительно входило письмо офицера, носящего здесь фамилию Ржавский, о тревоге по случаю набега абреков. Эта редакция напечатана в т. 90 Юбилейного издания (с. 156—157).

Далее находим следующее объяснение употреблявшегося в Ясной Поляне слова «прешпект»: «Так называлась обсаженная елями прямая дорога, ведущая от шоссе к яснополянскому дому» (с. 431). Но «прешпект» начинается не от шоссе, а от каменной башни, стоящей у входа в усадьбу Ясная Поляна, и обсажен он был в то время не елями, а березами. 3 мая 1897 г. Толстой в письме к жене из Ясной Поляны в Москву упоминает о «махании берез прешпекта» (т. 84, с. 281).

Комментируя запись Толстого от 19 июля 1858 г.: «Весь в хозяйстве. Сраженъе в полном разгаре. Мужики пробуют, упираются» (с. 16), редактор рассказывает о том, как Толстой перевел своих крепостных крестьян с барщины на оброк (с. 434). Но по прочтении этих комментариев остается все-таки совершенно неясным, о каком же сражении говорит Толстой, и что «пробуют» и против чего «упираются» мужики. Разгадку этой записи находим в следующей записи от 22 июля: «Дома сходка. Записываются косить, о мальчиках крик. На другой день косьба» (с. 16). Запись 19 июля говорит не о переводе Толстым своих крестьян с барщины на оброк, а о его попытке вести хозяйство на артельных началах с его крепостными крестьянами. Такую попытку делает и Левин в главах XXVIII и XXX третьей части «Анны Карениной».

Комментируя запись Толстого от 16 (28) октября 1860 г., сделанную в Иере: «Дописать первую главу <...> Утро писал <...> Написал не больше половины главы» (с. 30), редактор относит ее к повести «Казачи» или к очерку «Идиллия» (с. 448). В действительности запись относится к разделенному на главы началу романа «Декабристы», о котором Толстой писал Герцену 14 (26) марта 1861 г.: «Я затеял месяца четыре тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист». Эти начальные главы романа о декабристе Толстой, как писал он Герцену в том же письме, читал Тургеневу в Париже в феврале 1861 г. (т. 60, с. 374).

В комментарии к записи Толстого от 17 ноября 1873 г.: «Разговор о земстве с Свербеевым» редактор сообщает, что Толстой разговаривал с товарищем А. М. Кузминского, Дмитрием Дмитриевичем Свербеевым, родившимся в 1745 и умершим в 1820 г. (с. 481). Редактор не замечает той несообразности, которая получается при таком комментировании записи Толстого.

5

Том 49 содержит дневники Толстого 1881, 1882 и 1884 гг. и немногочисленные дневниковые записи 1883—1887 гг.

Небольшие по размерам дневники Толстого 1881, 1882 и 1884 гг. прокомментированы Е. В. Молоствовой и Н. С. Родионовым очень хорошо. Можно указать только одну существенную фактическую ошибку в комментарии к дневнику 1884 г. 21 апреля 1884 г. Толстой записывает, что у Анны Васильевны Армфельд, матери революционерки Натальи Александровны Армфельд, отбывавшей наказание в каторжной тюрьме на Каре, он

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СЕВАСТОПОЛЬСКИМ РАССКАЗАМ»

Акварель А. В. Кокорина, 1963 г.

Музей Толстого, Москва

встретил Успенскую (с. 85; имя и отчество Толстым не названо). Редактор поясняет, что Толстой виделся с Александрой Васильевной Успенской, женой Глеба Ивановича Успенского (с. 228). Но это неверно. Толстой виделся не с женой Г. И. Успенского, а с вдовой нечаевца П. Г. Успенского, Александрой Ивановной Успенской (1847—1924), родной сестрой В. И. Засулич. Ее муж, Петр Гаврилович Успенский (1847—1881), один из основателей нечаевского общества «Народная расправа», принимал участие в убийстве студента Иванова и был приговорен к 15 годам каторжных работ. Наказание отбывал на Каре. Заподозренный в том, что он выдал начальству план массового побега заключенных, Успенский был приговорен товарищеским судом к повешению и повешен. Впоследствии обнаружилась полная его невинность. В 80-х годах его вдова с единственным сыном жила в Москве в большой нужде. О знакомстве Толстого с А. И. Успенской упоминает В. Г. Короленко в своем очерке «Великий пилигрим» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I. М., 1955, стр. 263). Об А. И. Успенской писал Толстому Н. Н. Златовратский 16 февраля 1886 г. (АТ).

Поддаляющее большинство записей Толстого в дневниках, начинающихся 6 марта 1884 г. и кончающихся 19 сентября того же года, говорит о тяжелых условиях его семейной жизни после происшедшего в конце 70-х годов переворота в его мирозерцании. Но ведь и в 1883 г. и в первые месяцы 1884 г. условия семейной жизни Толстого были точно такие же, как и в дальнейшие месяцы 1884 г.; и сам собою напрашивается вопрос: не вел ли Толстой в промежуток между 22 декабря 1882 г. и 6 марта 1884 г. дневника, который им самим был уничтожен? Такое предположение подкрепляется тем, что в 1884 г. Толстой написал Черткову три письма, которые просил уничтожить, что Чертков и исполнил, выписав из них только отвлеченные мысли. Эти три письма имели даты: 9—10 марта, 27 марта и 10 апреля 1884 г.; мысли отвлеченного характера, выписанные из этих писем Чертковым, напечатаны в т. 85 (с. 35, 42—43, 46—47).

Вторым подтверждением этого предположения служит то, что в письме к Черткову от 19 октября 1894 г. (т. 87, с. 295) Толстой просил «уничтожить» все копии его дневника 1884 г. и вернуть ему подлинник (т. 87, с. 295). Но никаких упоминаний о существовании дневника Толстого за 1883 г. и первые месяцы 1884 г. ни в письмах Толстого, ни в мемуарах о нем не находится.

Вновь возобновляется дневник Толстого 23 ноября 1888 г. К этому времени семейная обстановка жизни Толстого изменилась к лучшему: произошло сближение с дочерьми — Татьяной и особенно Марией. Потребность в писании такого дневника, каким был дневник 1884 г., уменьшилась. Но все-таки первые строки дневника 23 ноября 1888 г. (т. 50, с. 1): «На днях была девушка, спрашивая (такой знакомый и фальшивый вопрос!)» и т. д. наводят на мысль, что перед нами скорее продолжение начатого дневника, чем начало его после перерыва более чем в четыре года.

6

Дневникам Толстого последних десятилетий его жизни (1888—1910) посвящены тт. 50—58.

Каждая запись дневника этого периода жизни Толстого начинается перечислением событий его внешней и внутренней жизни, описанием его встреч с людьми, его чтения, большей частью с отзывами о прочитанном, и тех работ, которыми он был занят. По дневникам можно проследить творческую историю большинства произведений Толстого данного периода, начиная с их зарождения и кончая последней редакцией или чтением корректур, а также его колебания в оценке своих произведений — от чувства удовлетворения написанным до самых резких отрицательных суждений. Записывались Толстым также осуществленные и неосуществленные замыслы его произведений. В изобилии заносились в дневник его отклики на события общественно-политической жизни как в России, так и за границей.

Распределение дневников по годам было очень неравномерным. Когда Толстой при его увлекающейся натуре был поглощен работой над каким-нибудь произведением или занят каким-нибудь общественным делом, писание дневника прерывалось иногда на несколько месяцев.

С марта 1891 г. характер дневников Толстого меняется. Теперь почти под каждым числом после дневниковой записи в прямом смысле этого слова следуют под цифрами записи отвлеченных мыслей по самым разнообразным вопросам — религиозным, философским, общественно-политическим, эстетическим, литературным, педагогическим и др. Эти мысли Толстой первоначально заносил в свои записные книжки, причем в последние годы его жизни у него обычно существовали две записные книжки:

«дневная» и «ночная». «Дневная» записная книжка всегда находилась у Толстого в кармане его блузы, «ночная» лежала у него на ночном столике. В «ночную» книжку Толстой, зажигая свечу, вписывал мысли, приходившие ему ночью в состоянии бессонницы или при пробуждении. По мере накопления мыслей в записных книжках Толстой выписывал эти мысли в дневник, обрабатывая и уточняя их, после чего отрывочные записи в записных книжках вырастали в сильные художественно выраженные афоризмы или в обширные логически последовательные рассуждения. Лишь немногие из записанных Толстым в дневниках мыслей по различным вопросам были затем развиты им в отдельных статьях. Поэтому-то Толстой особенно дорожил своими дневниками последних лет и готов был ценить их даже выше всего остального им написанного.

Передавая в письме к Черткову от 13 мая 1904 г. завещательные распоряжения относительно своих неопубликованных произведений, Толстой прибавлял: «Всем этим бумагам, кроме дневников последних годов, я, откровенно говоря, не приписываю никакого значения и считаю какое бы то ни было употребление их совершенно безразличным. Дневники же, если я не успею более ясно и точно выразить то, что я записываю в них, могут иметь некоторое значение хотя бы в тех отрывочных мыслях, которые изложены там, и потому издание их, если выпустить из них все случайное, неясное и излишнее, может быть полезно людям» (т. 88, с. 327).

В дневниках Толстого с 1888 по 1895 г. находим сорок пять вымаранных и вырезанных самим Толстым мест, касающихся Софьи Андреевны. Сделано это было Толстым 2—4 ноября 1895 г. по просьбе Софьи Андреевны, как он писал ей в письмах от 2 и 4 ноября того же года (т. 84, с. 244 и 245). Редакторы тт. 50—53 включили текст вымаранных мест в основной текст дневников Толстого с соответствующей оговоркой под строкой. Но некоторые места оказались так густо вымаранными, что прочитать их невозможно.

Вследствие того, что лица и события, упоминаемые в дневниках Толстого последних десятилетий, являются более известными, чем лица и события, упоминаемые в его молодых дневниках, а также вследствие избитости в этих дневниках отвлеченных мыслей, почти не требующих комментирования, подготовка к печати и комментирование дневников его последних лет представляли меньше трудностей, чем подготовка к печати и комментирование его молодых дневников.

Укажем наиболее существенные погрешности в публикации текстов дневников Толстого последних десятилетий и в комментариях к ним.

В т. 50 в записи от 20 апреля 1889 г. напечатано: «...а в *направлении* того ложного положения, в котором он находится» (с. 70). Должно быть не «направлении», а «*исправлении*». В том же томе находим следующее суждение о С. А. Толстой: «Нельзя жить, как она, инстинктами (которые у нее все, нет, не все, материнские хорошие)» (с. 180). Так и в автографе. Но ясно, что после первого слова «все» должно быть поставлено в редакторских скобках слово «дурны»; иначе запись не имеет смысла.

В том же томе в чудесной картине «прелестного солнечного заката» вместо: «красный <...> уголь солнце» напечатано: «красный <...> уголь солище» (с. 120). Там же вместо: «смысл жизни в *увеличении* любви» напечатано: «смысл жизни в *увелечении* любви» (с. 148).

В том же томе находим грубейшую опечатку по вине типографии. 6 ноября 1892 г. Толстой записывает: «Для добрых отношений к человеку пужно *презирать* его как слабое человеческое существо и уважать как NN». Напечатано: «Для доброго отношения к человеку нужно *прирезать* его как слабое человеческое существо и уважать как NN» (с. 75).

В т. 53, содержащем дневники Толстого с 1895 по 1899 г., замечены следующие неисправности в публикации текста дневников. В фразе: «С тех

пор как *встревожили* — два дня не мог ничего сделать» должно быть не «встревожили», а «*встревожился*» (с. 203).

Одна из записей Толстого опубликована в таком виде: «*Несчастье* дает христианство, а *безопасность*» (с. 105). Должно быть: «*Не счастье*» и т. д. «Сейчас написал письмо Кросби. Он *работал* в Америке» (с. 76). Должно быть не «работал», а «*работает*». Запись от 27 марта 1895 г. воспроизведена в таком виде: «Ничего не писал; *но* недоволен собою» (с. 14). Должно быть: «*не* недоволен собою».

Запись Толстого от 20 февраля 1897 г. предлагается читателю с редакторской вставкой, изменяющей смысл записи: «Душой спокоен, только <так> скучно, что не могу писать» (с. 138). Получается, что Толстой не мог писать только потому, что ему было очень скучно (неизвестно, по какой причине), в то время как по смыслу записи ему и скучно-то было именно оттого, что он (очевидно, по нездоровью) не мог работать.

1 января 1898 г. Толстой записывает: «Не могу работать, и все болит живот». В т. 53 эта запись напечатана без последних слов («и все болит живот» — с. 175). Здесь уже требования благопристойности переходят в «жеманство» (по выражению Пушкина). Идя по этому пути, пришлось бы из описания «добротого» члена суда в «Воскресении» исключить упоминание о том, что он страдал катарром желудка и, направляясь к своему судейскому креслу, загадывал, поможет ли ему новое средство.

12 июня 1895 г. Толстой пишет о своем серьезном заболевании и затем прибавляет: «Дочери очень милые перепугались». В последней фразе в рукописи дневника нет никаких знаков препинания; редактор расставил их по своему усмотрению, и получилось: «Дочери, очень милые, перепугались» (т. 53, с. 37). Но такая пунктуация, очевидно, неправильна; должно быть: «Дочери очень, милые, перепугались».

Укажу теперь некоторые погрешности в комментариях к дневникам Толстого, напечатанным в т. 53.

В комментариях к записи Толстого о пребывании в 1896 г. у сестры в Шамординском монастыре (где была написана первая редакция «Хаджи-Мурата») сказано, что из Шамордина Толстой проехал в Оптину пустынь (с. 453), причем делается ссылка на статью С. А. Толстой «Четыре посещения гр. Л. Н. Толстым монастыря Оптиной пустынь», напечатанную в «Толстовском ежегоднике 1913 года». Но в статье С. А. Толстой рассказывается о поездках Толстого в Оптину пустынь в 1877, 1881, 1890 и 1910 гг., но о поездке в 1896 г. (при наличии которой было бы уже не четыре, а пять поездок) ничего не говорится, потому что ее и не было.

Запись Толстого от 18 декабря 1897 г.: «У Русанова голова Хаджи-Мурата» комментируется так: Толстой «находил, что Г. А. Русанов формой головы походил на Хаджи-Мурата» (с. 286). Но этого не могло быть, так как Толстой никогда не видал Хаджи-Мурата, а потому и не мог судить о сходстве формы головы Русанова с формой головы Хаджи-Мурата. Запись означает только то, что Русанов показал Толстому рисунок головы мертвого Хаджи-Мурата, сделанный художником М. О. Микешиным с акварельного рисунка с натуры и воспроизведенный в сборнике автографов «Голодному на хлеб» (СПб., 1892, стр. 21).

В комментариях к записи о повести Ф. Тищенко «Хлеб насущный» сказано, что повесть эта была напечатана в № 10 «Книжек недели» 1897 г. вместе с письмом Толстого к автору (с. 459). В действительности повесть была напечатана в № 10 журнала «Русское обозрение» 1897 г. с письмом Толстого не к автору, а к редактору «Русского обозрения» А. Александрову. Это письмо перепечатано в т. 70 Юбилейного издания (с. 111—112).

Комментарии к дневникам Толстого 1900—1903 гг. (т. 54) вызывают только два существенных возражения.

Комментируется запись Толстого от 11 марта 1903 г.: «Второй раз встречаю в жизни незаслуженную, ничем не вызвавшую ненависть от людей только за то, что им хочется иметь такую же репутацию, как моя <...> М., Л.» (т. 54, с. 162).

Редактор К. С. Шохор-Троцкий пытается раскрыть проставленные Толстым первые буквы неназванных лиц и считает свои догадки до такой степени несомненными, что даже вводит их в толстовский текст, хотя и в редакторских скобках. По утверждению редактора, «Л.» — это сын Толстого Лев Львович, а «М.» — журналист М. О. Меньшиков (с. 510).

Что буквой «Л.» Толстой обозначил имя своего сына Льва Львовича, в этом не может быть никакого сомнения. В другой записи дневника — от 2 февраля 1907 г. — Толстой писал: «Вчера было письмо от сына Льва. Очень тяжелое <...> Удивительное и жалостливое дело — он страдает завистью ко мне, переходящей в ненависть» (т. 56, с. 8).

Но никак нельзя согласиться с К. С. Шохор-Троцким, когда он утверждает, что под буквой «М.» в записи Толстого следует разуметь журналиста Меньшикова. Меньшиков, начавши свою журналистскую деятельность в 90-х годах статьями в духе учения Толстого, не проявлял желания «оттолкнуться от Толстого». Только в 1908—1910 гг. Меньшиков, обосновавшись в «Новом времени», стал писать против Толстого грубые статьи, упрекая его в том, что он «подговаривает власть» ликвидировать земельную собственность и выступает противником смертных казней.

В комментариях к т. 56 Юбилейного издания (с. 621) было высказано предположение, что буквой «М.», Толстой в данной записи обозначил Д. С. Мережковского, в 1901—1902 гг. выпустившего свою книгу «Толстой и Достоевский» с резкими выпадами против Толстого (Толстой «не преодолел инстинкта собственности», у Толстого смесь «сознательной искренности и бессознательного притворства», «никакого бога Толстой не нашел» и пр.).

В вышедшем в 1958 г. дополнительном (90) томе это предположение находит полное подтверждение. Здесь (с. 180) приведена запись Толстого в записной книжке от марта 1903 г.: «Мережк<овский> ненавист<ь>», являющаяся черновой редакцией комментируемой дневниковой записи. (Прочтение редактором последнего слова — «ненавист<ник>» — не имеет оснований.)

Но К. С. Шохор-Троцкий не ограничился догадками о том, каких двух лиц имел в виду Толстой в своей записи. Понимая почему-то слова Толстого, что он «второй раз» встречает в жизни «незаслуженную ненависть», проистекающую из зависти к его репутации в том смысле, что ненависть Л. и ненависть М. составляют одно совокупное целое и что слова «второй раз» относятся к ним обоим, что, разумеется, совершенно неверно, редактор начал доискиваться, в ком же из писателей Толстой «в первый раз» встретил «незаслуженную ненависть». К. С. Шохор-Троцкий высказывает предположение, что таким писателем был Тургенев, «который в своих отношениях с Толстым очень рано, вскоре же после первого знакомства, стал испытывать некоторую неприязнь к Толстому».

Однако ссылка К. С. Шохор-Троцкого на Тургенева в данном случае лишена всякого основания. Хотя, действительно, в отношении Тургенева к Толстому, особенно после происшедшей между ними ссоры, и проглядывала некоторая «неприязнь», оказывавшая влияние и на суждения Тургенева о произведениях Толстого, «зависть» в данном случае не играла никакой роли, а о «ненависти» не может быть и речи. В общем отношение Тургенева к Толстому служит редким образцом беспристрастия и душевного благородства.

Известно, что Тургенев признавал «Казаков» «лучшей повестью, написанной на нашем языке», «Войну и мир» считал «поистине великим произведением» и с начала 70-х годов неоднократно и в письмах и в статьях

признавал Толстого сначала первым русским, а затем и первым мировым писателем (см.: «Толстой и Тургенев. Переписка». М., 1928, стр. 81 и 90; «Шукинский сборник», вып. 8. М., 1909, стр. 391—392; «Воспоминания о Белинском» Тургенева; письмо Тургенева к Фету 1878 г. — А. Фет. Мои воспоминания, ч. II. М., 1890, стр. 354—355).

Таким образом, предположение о Тургеневе не только совершенно излишнее, но и рисует в ложном свете отношение Тургенева к Толстому.

Второе замечание, которое можно сделать относительно комментариев к т. 54, касается понимания редактором записи Толстого о замысле рассказа «После бала». По поводу записи Толстого: «веселый бал в Казани, влюблен в [Ко<рейш>] красавицу, дочь воинского начальника — поляка, танцую с нею» (с. 178). К. С. Шохор-Троцкий пишет: «Эта запись Толстого дает важнейший материал для установления автобиографического элемента в его рассказе „После бала“. Помимо слов „танцую с нею“ подтверждает автобиографичность рассказа и то, что Толстой начал писать (и тут же зачеркнул) фамилию девушки, с которой танцевал» (с. 517). Это мнение об автобиографичности рассказа оказалось ошибочным. Из воспоминаний Х. Н. Абрикосова «Двенадцать лет около Л. Н. Толстого» (они появились в печати в 1948 г.), стало известно, что увлечение дочерью казанского воинского начальника В. А. Корейш переживал не Толстой, а его брат Сергей Николаевич («Летописи Гос. Литературного музея», кн. 12. Лев Толстой. М., 1948, стр. 454). Глагол в первом лице «танцую», из которого К. С. Шохор-Троцкий выводил свое мнение об автобиографичности рассказа, указывает только на то, что Толстой намечал для задуманного произведения форму рассказа от первого лица. Конечно, и то, что Толстой в своей записи назвал знакомую ему в молодости девушку в качестве одного из прототипов задуманного рассказа, несколько не делает этот рассказ автобиографическим. Таких указаний на намеченные прототипы найдем немало и в дневниках и в черновых редакциях произведений Толстого.

Недостатком воспроизведения текстов дневников Толстого в т. 54 является то, что редактор слишком педантически следовал правилу «Инструкции» Редакторского комитета данного издания о том, что слова, недописанные Толстым, дописываются редактором в скобках. В тех случаях, когда Толстым ради быстроты письма не дописывалась последняя буква какого-нибудь совершенно определенного слова, не было никакой надобности, дописывая эту букву, ставить ее в редакторские скобки. В этих случаях скобки только пестрят и мешают чтению. Тот же недостаток замечен и в тт. 55—56, содержащих дневники Толстого 1904—1906 гг. и 1907—1908 гг. (редактор Н. Н. Гусев).

На стр. 554 т. 56 комментируется запись Толстого в записной книжке от 29 марта 1907 г.: «„Стог в яме“ — огорчительно» (с. 189). Редактор терзается в догадках о смысле этой записи и высказывает следующее предположение: «Быть может, запись вызвана тем, что ученики Толстого <в то время Толстой по вечерам занимался с яснополянскими мальчиками> рассказали ему про виденный ими стог сена, стоявший на низком месте и затопленный водой, и Толстой как хороший хозяин был огорчен порчей ценного корма». Это объяснение неправильно. Толстой был огорчен не «порчей ценного корма», а повторением мальчиками, его учениками, нехорошей прибаутки.

Последний том дневников Толстого — т. 58, очень хорошо подготовленный Н. С. Родионовым, включает дневники Толстого за один только роковой 1910 г. Перед редактором вставала задача: дать полную картину всех событий яснополянского быта последнего года жизни Толстого, часто очень кратко и неясно указанных в его дневнике, — событий, приведших к его уходу из Ясной Поляны и смерти в Астапове. С помощью

дневников и воспоминаний С. Л. Толстого, А. Б. Гольденвейзера, В. Ф. Булгакова, С. А. Толстой и неизданных дневников А. Л. Толстой и В. М. Фокриевой редактор успешно справился с этой задачей.

Н. Гусев

ПИСЬМА

1

Письма Толстого занимают в Юбилейном издании тридцать один том, с 59-го по 89-й. Кроме того, в последнем, сборном, т. 90 — опубликовано еще 191 письмо.

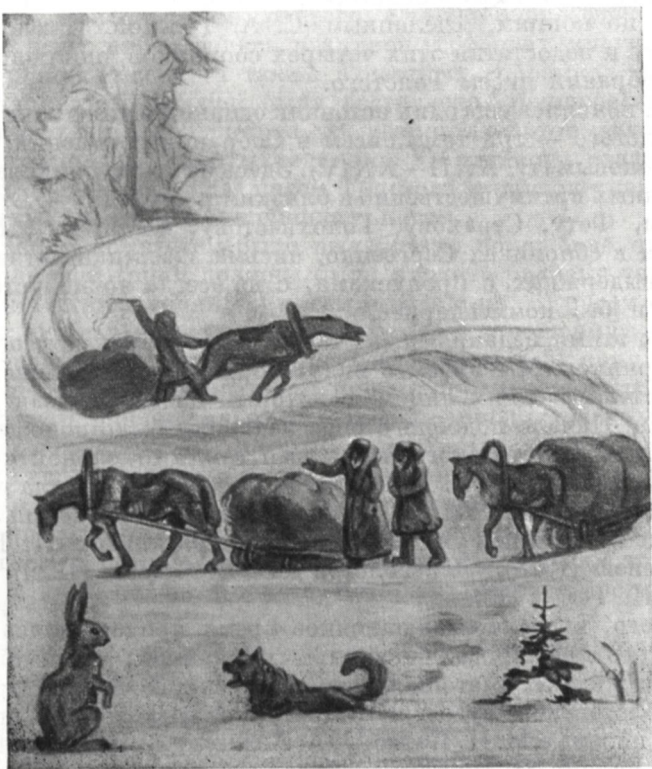

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СБОРНИКУ «ТОЛСТОЙ О ПРИРОДЕ»

(Издание не было осуществлено)

Цветная литография Н. И. Пискарева, 1940 г.

Собрание А. И. Пискаревой, Москва

Публикация обширного эпистолярного наследия Толстого началась еще при жизни писателя. Его письма, особенно те из них, которые представляли собой документы общественно-политического значения, время от времени появлялись на страницах периодической печати (например, письмо к Лескову от 4 июля 1891 г. о голоде — в газете «Новости», № 244, от 4 сентября; письмо к Короленко от 27 марта 1910 г. — в газете «Речь», № 106, от 18 апреля и др.).

В 1890 г. были изданы «Воспоминания» Фета, в которых большое место заняли письма Толстого к нему. В том же году за границей вышла книга Эрнста Кейхеля «Die Rettung wird kommen» («Спасение придет»), в которую вошли 30 писем Толстого к его венгерскому последователю